

Чу Тянь некоторое время молчал и со вздохом посмотрел на Цзы Яньшэна.

"В таком случае, вы все вышли из фиолетового брата, тогда, пожалуйста, послушайте фиолетового брата".

"История, которую я рассказал, произошла в том году, я на улице..."

Цзы Яньшэн быстро прервал слова Чутяня: "Старый? Пусть умирают! Поменьше глупостей, расскажи историю посерьезнее! Тогда осмелюсь сказать, что ты - история, услышанная от старика, потом от старика и старика Мертвый, умирающий, веришь или нет, я брошу тебя в реку?"

Чутянь яростно закашлялся. Он посмотрел на Цзы Яньшэна и очень серьезно сказал: "На этот раз точно не старик. Зимой я был на перекрестке улиц в городе Чжанчжоу, и мне было 18 лет. девушка".

Цзы Яньшэн поднял свою пощечину и жестом показал, что нужно драться.

Чутянь поспешно рассмеялся несколько раз. Он поднял руки вверх и слегка приподнял голову. Он посмотрел на небо и тяжело вздохнул.

"Тогда, когда начнется эта история, никто не может сказать. Что за династия, древние книги древней Цинь потеряли большую часть, не говоря уже о древних временах, которые более древние и более ненадежные? Итак, в определенный год В определенный день месяца, в небе есть сокровище, чрезвычайно романтический суд."

Чу Тяньюй сказал, что он медленно читает стихотворение.

"....."

От природной красоты трудно отказаться, однажды выбрав на стороне короля.

Оглядываясь на улыбку, Бай Мэйшэн, Лю Гунфэн без цвета.

Весенние холодные ванны бассейна Huaqing, гель для умывания водой горячего источника.

Официант помог молодым и слабым, и это было время, когда новый Чэн Эньцзе.

Юньсяохуа Яньцзинь шаг, Фуронг счет тепло весны.

Весна горькая и короткая, а король не ранний.

На пиру у Чэн Хуана нет досуга, А весна - от весенней ночи.

Три тысячи человек в гареме, три тысячи питомцев в любви.

Макияж Цзиньву стал уютной ночью, а нефритовый банкет - пьяной и весенней. "

Глаза Цзы Яньшэна расширились, рот расширился, изо рта потекли слюни, и он смотрел на Чутянь, как на привидение.

Фэн Вэй не знала, когда она наклонилась. Она даже в экстазе смотрела на Чу Тяня. Слова, которые снова и снова переворачивались у нее во рту, были: "Возвращаясь и улыбаясь, Лю

Гунфэн не имеет цвета... не прав королевский двор. Кто может придумать такой приговор?".

В камышах на корточках сидел крупный мужчина, перед ним лежал кейс. В руке он держал перо и писал каждое слово Чутяня.

Чутянь поднял глаза к небу и посмотрел на облака в небе. Он медленно пел историю "Храма Чаншэн", меняясь в лице, и смешивал с некоторыми чрезвычайно ритмичными предложениями. Он сказал.

"Другими словами, цинляньский мирянин кричал в золотом храме по сей день, а певец веков пел".

В конце концов, Чу Тянь высоко поднял руки и громко зааплодировал.

"Не вижу тебя, вода Желтой реки поднимается в небо и не вернется в море".

Я не вижу тебя, зеркало Гао Тана печально и бело, и оно подобно голубому шелку.

Жизнь полна радости, так что золото пустое для луны.

Естественно, мои материалы пригодятся, и тысячи золотых будут возвращены.

Готовить овец и забивать скот - это обязательно, и придется выпить триста чашек.

Скорпион, Дэн Цюшэн, войдет в вино, чаша остановится.

С песней, пожалуйста, послушай меня.

Колокола и барабаны стоят недешево, но я надеюсь, что меня не разбудят.

Древние мудрецы одиноки, но пьющие оставляют свои имена.

Когда Чэнь Ван был в прошлом, он устраивал банкеты.

Что хозяин говорит - денег меньше, путь надо выбирать на свое усмотрение.

Пятицветковая лошадь, золотой скорпион, певец будут заменены вином, и продаваться будут те же самые. "

Пурпурный скорпион и тело кленового скорпиона ошеломили, а длинные волосы были прямыми и вздыбленными, как гром.

Их окружали ураганы, и надвигалась волна страшной силы. Пурпурный скорпион родился в долгом и коротком периоде. Река внезапно застыла, и каждая капля воды и каждая волна воды затвердели в воздухе.

"Это, это, это!" Скорпион фиолетового скорпиона и скорпион кленового скорпиона мерцали, и их глаза, казалось, вихрились.

Каков пейзаж за пределами Даджина, Чутянь не знал.

Однако в районе Дачжин стихи этих поэтов-литераторов попадают на глаза Чутяню, но они старомодные и жесткие.

Или четыре слова и одно предложение, или пять сыновей и одно предложение, обратите внимание на строгое противостояние ритма до и после, каждое предложение, каждое слово похоже на вырезанные из грязи деревянные шины, суровые и бесчеловечные. Рао - певец литературы Дачжин, нагромоздивший бесчисленное количество стихов в этих смертоносных метрических поэмах. Их стихи все еще похожи на зомби в гробу, а Рао измазан бесчисленными румянами и помадой и все еще не рассержен.

Эта песня "войдет в вино" великолепна и романтична, как большая река в небе, разбивающая старомодный и жесткий стиль Дацзин, и тот, кто впервые с ней соприкоснется, будет потрясен этой эпохой.□□□, так называемый Цзыяншэн и Фэнцзин.

"Это, это, что за человек этот Цинляньский мирянин?" Цзы Яньшэн был немного бессвязен: "Если он еще жив, его нужно вытащить из мира, его нужно собрать как члена семьи, писать каждый день. Эти, пиши эти, пиши эти... малыш!".

Искрящийся утопленник скользнул в рот пурпурного скорпиона длиной в три дюйма, Чутянь увидел это, но Чутянь намеренно ничего не сказал.

Он сказал медленно, также, чтобы намеренно дать группе волчьих демонов время отдохнуть и переварить, "Храм Чаншэн", он сказал медленно, что есть два часа.

"Но день и благородные вещи, последующие поколения чувствовали запах и чувствовали:

Юй Ронг одинок и слезы сухи, и груша цветет весенним дождем.

В нем любовь и печаль, Се Цзюньван, другой голос.

Храм Чжаоян полон любви, а дворец Пэнлай - долго-долго.

Оглядываясь на людей, я не вижу в Чанъани пыли.

Лишь старое будет сентиментально, и сплав будет отправлен.

Доля одного оставлена, а золото разделено на двоих.

Но сердце - как Цзинь Цзяньцзянь, и небо и земля встретятся друг с другом.

Расставаясь, старательно перепостили слова, в словах есть обеты.

Седьмого июля, в Зале Вечной Жизни, когда никто не шептался в ночи.

В день желанья быть голубкой, в земле желанья быть веткой.

Долго-долго, и ненависть эта бесконечна. "

Последние две фразы Чутянь произнес, и лицо Зишена внезапно изменилось. Огромная волна высотой до ста футов внезапно появилась на реке. Огромные волны взорвались, и бесчисленные капли воды упали вниз. Звук был подобен разрушению земли.

Фэн Цзин испытала физическое насилие и закричала: "Это долго, иногда это бесконечно, эта ненависть бесконечна!".

Хлынула кровь, Фэн Сяо побледнела и посмотрела на Чутянь, ее зрачок сузился, как кончик

иглы, а лицо было ужасным, как ночь.

Видя ситуацию Цзы Яньшэна и Фэнцзин, Чу Тянь не стал бесконечно, а просто добавил им нож в сердце, достаточно, чтобы они запомнили надолго, чтобы они были забываемы на долгие годы.

"Десять лет жизни и смерти, не думая, самозабвенно. Тысячи миль могил, нигде нет уныния. Даже если встретишь, не узнаешь, пыльное лицо, как иней.

Ночные сны возвращаются в родной город, Сяосуань окно, одевается. Независимо от слов, только слезы - тысяча строк. Ожидается, что у тебя будет разрыв кишечника год, яркая лунная ночь, короткий Мацуока. "

Скорпион Цзы Цзышэн полон пурпура, и это томительная печаль.

"Десять лет жизни и смерти... тысяча могил... даже если вы встретитесь, вы не должны знать..."

Фэн Сюань долго смотрела на Чу Тяня, "вау", воскликнула она, мелькнула фиолетовая тень и бесследно исчезла.

Чу Тянь коснулся своего носа и несколько раз улыбнулся.

"Брат Цзы, эта история, но королевская вещь? Но она очень могущественная? Смотри, Фэнцзин слушает и плачет, ты должен сказать нет, ты должен коснуться совести!"

"О, королевская вещь, так смущена, что скажешь, великая?"

Тело Цзы Яньшэна яростно кричало некоторое время, и вдруг истеричный крик: "Чу Шитоу, ты мирянин, хорошие устрицы, бой!".

<http://tl.rulate.ru/book/5788/2226670>